
ЕН242
Х 348
Александр
Васильевич
ХВОРОСТИН
Сборник.
Посвящается
светлой памяти
замученного рыцаря
революции.
Издание информотдела
Одесской губинспекции
Одесса, 1926 г.
С. Гришин

Александр Васильевич

ХВОРОСТИН.

СБОРНИК.

ПОСВЯЩАЕТСЯ
СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ЗАМУЧЕННОГО
РЫЦАРЯ РЕВОЛЮЦИИ.

ИЗДАНИЕ ИНФОРМОТДЕЛА
ОДЕССКОЙ ГУБИНСПЕКЦИИ.

ОДЕССА.

1920.

«Славянская» типо-литография—Одесса. Херсонская 15.

Рабоче-Крестьянская Инспекция,—прежний Госконтроль,—не исполнила бы прямого своего нравственного долга, если бы не воздала заслуженную дань светлой памяти замученного деникинскими палачами члена Коллегии Одесского Губгосконтроля, тов. **Александра Васильевича Хворостина.**

Вместо венка на до сих пор нерозысканную могилу этого беззаветного борца за торжество пролетарского дела, этого в лучшем и истинном смысле слова рыцаря без страха и упрека, Одесский Отдел Рабоче-Крестьянской Инспекции с чувством глубочайшего благоговения издает настоящий сборник, посильно рисующий обаятельный образ дорогого нам всем борца и мученика.

Пусть образ этот будет путеводной звездой для каждого честного работника Рабоче-Крестьянской Инспекции.

В настоящем сборнике памяти т. А. В. Хворостина, составленном Информотделом Одесской Губинспекции, собраны статьи и воспоминания ряда товарищей и друзей, близко знавших т. Хворостина. Отдельные факты и штрихи, сообщенные рядом других товарищей, сведены в очерки и заметки, рисующие отдельные моменты и периоды жизни т. Хворостина.

Мы хотели украсить сборник портретом А. В. Хворостина, но, к великому сожалению, портрета получить не удалось. По словам близких друзей Александра Васильевича, он никогда не снимался.

Март 1920 г.

ПАМЯТИ тов. ХВОРОСТИНА.

I.

За 17 лет партийной работы, как подпольной, так и легальной, мне приходилось встречать многих развитых рабочих, подготовленных росс. соц. дем. раб. партией—, в ее еще революционный период,—к ответственной политической работе. Из них тов. Хворостин был лучшим. Это был вполне интеллигентный работник, много знавший, превосходно продумавший и использовавший свой боевой жизненный опыт

Поражала его интеллигентская внешность. его уменье охватывать явления сложной жизни с точки зрения революции, его отвращение к кровопролитию, его глубокая искренняя ненависть к врагам революции. его практицизм и способность помечтать. Интеллигент в нем был гармонически спаян с рабочим, мягкость с силой, кротость с решительностью, вдумчивость с боевым темпераментом. Его простота казалась иногда бравированием. Когда он спокойно, без размышлений, брал на себя самые ответственные поручения, думалось,—нет ли в этом рисовки? Но так же спокойно он выполнял то, за что брался, не отступая перед препятствиями до конца.

Сомнения рассеивались, его твердый образ быстро восстановлял к себе доверие. Выше его интеллекта, выше его умственных качеств была его моральная сила. Огромная, покоряющая, моральная сила.......

Я с ним работал в коллегии Губгосконтроля. Всякий раз, когда он, вынужденный необходимостью, давал свое заключение по какому либо вопросу, я проникался бодростью, я верил его моральному чутью, его нравственной чистоте и не боялся его ошибок в области специальных вопросов.

Рабочий класс, который выдвинул таких товарищей. как А. Хворостин, „скромных героев", способных подняться на такую высоту самопожертвования, может спокойно продвигаться сквозь цепь преград к осуществлению социальной революции. Погиб тов. Хворостин, жив авангард из тов. Хворостиных.

Март 1920, **А. Золотарев.**

II.

(Из «Од. Коммуниста», № 151, 12-го февраля 1920 г.— Перепечатка из подпольного «Коммуниста»).

Вот жертва контр-разведки, перед которой нельзя не содрогнуться...

Рабочий по профессии, т. Хворостин был настоящим революционером по натуре, по темпераменту. Он был избран в коллегию Госконтроля и в короткое время освоился со своими функциями настолько, что был в курсе всех дел, и уверенно и спокойно руководил специалистами. Под его руководством было проведено несколько ревизий, и не один из тех господ, которые под личиной коммунизма занимаются своими делишками, трепетал перед суровым, непреклонным рабочим ревизором.

Когда вспыхнуло восстание немецких колонистов, т. Хворостин перешел из партии независимыхъ социал-демократов в партию коммунистов и потребовал, чтобы его отправили на фронт.

Спокойная работа в Госконтроле уже не могла удовлетворить революционную совесть т. Хворостина.

Когда падает советская власть, т. Хворостин идет в подпольную работу, и здесь его деятельность обрывается...

Его схватила контр-разведка, и подвергла жесточайшим пыткам... Шомполами истязали целые сутки, рвали ногти, полосовали... Окровавленного, полумертвого т. Хворостина предали военно-полевому суду и казнили.

Так расправляются палачи с рабочими-коммунистами.

Спи спокойно, дорогой товарищ, ты будешь отомщен.

А. Золотарев.

Предсмертные письма А. В. Хворостина.

За время заключения от т. Хворостина были получены два письма. Первое от 18 декабря, на имя близкой его знакомой, которой он пишет, однако, с осторожностью, не уверенный в судьбе письма.

I.

„Многоуважаемая Е. С. Я сел и, как видно, основательно. Мне грозит самое худшее. Хотел бы увидеть Вас. Приходите сегодня в 5 час. вечера на ул. Кондратенко против пожарного двора, сядьте на скамейку, возле парикмахерской и ждите: Вас позовет стражник. Зайдите к Маше и скажите, чтобы она послала денег моей жене. О моем аресте пусть не сообщает. Захватите также у нея и для меня денег не много. Пойдите к....... и скажите, в чем дело: он может мне помочь. Когда будете идти ко мне на свидание, оденьтесь по проще. Привет Маше. Целуйте Шуру. Я очень беспокоюсь о ней. Все время одна дума: что с нею, как она живет. До свидания. Надеюсь вы исполните мою небольшую просьбу. Ваш друг.

Денег для меня возьмите 1500 р.“.

Четвергъ, 5 (18) декабря 1919 г.

II.

Второе письмо выражает радость тов. Александра, что „о нем думают, его помнят“. Несколько нежных слов посвящает т. Александр своим близким друзьям, и сейчас же себя прерывает.

«Но к делу.

„Дело мое очень и очень плохо. Л... наговорил на меня, что я должен был получать у него сводки и что я ему это предложил: его били. По этому делу арестованы 2 офицера из к.-разведки, студент Маркус Гитерман, Леня, я и еще несколько человек. При допросе меня били шомполами по пяткам, и только когда на правой ноге лопнула кожа, перестали бить. Потом били по лицу, по голове, бросали о землю, раскачивали и били о стену, били по сонной артерии, били палкой, шашкой, стулом, били чем попало и как попало. Теперь у меня трясется все тело и болит грудь. В избиениях принимали участие чины

уголовно-розыскного управления: капитан Зубенко (Новосельская, 64), Подгородинский, Заблоцкий, Михневич, Губерман и еще несколько мерзавцев, фамилии которых не знаю. Потом написали протокол дознания и заставили подписаться. Дело передано в военно-полевой суд. Исправить можно, только подняв сильный шум в обществе и выяснив, что все заставляют сочинять и подписывать силой *).

Сегодня я вызываю прокурора и доктора, наверно, пойду в старую городскую больницу. Пойди к Желудкину, Станчинскому, Рязанову и расскажи им все. Пусть хлопочут. Я указывал, что все время был в партии с.-д. меньшевиков и что освободил Кошко, Нащалыма, Желудкина и др., но свидетелей моих не вызывали. Действуй, Шура.

Прощай, родная.

1919, 22/12».

---

*) Попытка «поднять шум» въ задавленном деникинским сапогом «обществе» была сделана. Говорилось о насилиях над т. Хворостиным в пленуме Совпрофа, делегация Совпрофа заявила об этих насилиях Шиллингу. Даже в растленной деникинскими цензорами и «русскультами» одесской «независимой» печати проскользнули намеки на «случай в Бульварном участке» и на протест рабочих. Некоторыми лицами, в свое время спасенными от смерти Хворостиным, были пущены в ход разные закулисные влияния и хлопоты. Словом, о кошмарном деле т. Хворостина в «обществе» знали, о нем говорили, им возмущались, — был «шум», и было это тогда, когда т. Хворостин был еще жив. И все это не помогло. Деникинские палачи не смутились «шумом» и сделали свое дело.

Из прошлого т. А. В. Хворостина.

На 32-ой зиме оборвалась жизнь Александра Васильевича Хворостина. Это возраст, когда на Западе только начинают общественную работу. За т. Хворостиным в 32 года было уже 17 лет активного служения социализму, 17 лет страданий и скитаний по тюрьмам, весь круг мучений революционного борца, вплоть до последнего мученического венца.

А. В. Хворостин был родом из Керчи. Отец его — мелкий сапожный мастер. Мальчик был отдан в гор. ремесленное училище и из четвертаго класса его он, полуюноша, был удален за «неблагонадежность».

Мальчик был брошен в жизнь. Он не испугался. Днем он работает по насечке напильников; вечером он в распоряжении местной организации соц.-дем. Ему дают опасные поручения — за распространением прокламаций он попадается вместе с товарищем. В участке им дали наглядный урок по национальному вопросу: товарища Александра,—Айзика, избили, как «жида», отбили легкое; самого Александра, как русского, пощадили. Урок был дан хороший: ярче вспыхнула ненависть к угнетателям в мягком сердце юноши и навсегда запала в душу память о бедном Айзике, страдальце за общее дело. (Год тому назад в Одессе был опознан пристав, участник этого избиения, и убит. Хворостин пытался его спасти от смерти).

После ареста оставаться в Керчи было невозможно и Александр уехал в Бердянск. Началась скитальческая жизнь, полная тревог и лишений.

В Бердянске т. Александр сейчас же вошел в организацию с.-д. и вернулся оттуда в Керчь уже с такой подготовкой, что вскоре вошел в местный комитет. Но его знали, за ним следили, в 1906 г. его снова арестовывают и ссылают в Саратов. Ссылка его не пугает, в Саратове ссыльный т. Александр работает, как партийный «профессионал» (занимающийся только партийной работой). Сети охранки накрывают его и в Саратове, его арестовывают. Но не бывать бы счастью, так несчастье помогло: необходимость оперировать глаз спасает его от ссылки куда нибудь подальше. Хворостина выпускают под надзор.

Сейчас же после операции т. Хворостин бежит назад в Бердянск (повидимому, здесь он впервые начинает жить под фамилией Михалевского, под какой его знали многие на юге).

В Бердянске т. Хворостин работает на заводе Гривуса, и одновременно занимает заметное положение в местной организации с.-д. В 1909 г. его избирают на крымскую конференцию, вместе с т. Лютровским.

После конференции т. Хворостин раз'езжает по Крыму, как партийный агент. Отважный и беспечный, он попадается на пароходе с двумя корзинами литературы в руки сыщиков, но успевает скрыться,—не на долго. В том же 1909 г. его арестовывают в Бердянске. На сей раз он отсиживает 6 месяцев.

К тому времени т. Александр уже был женат. Жена его—учительница и товарищ Александра по партии. Вели они жизнь, полную лишений. С юности и до последних дней голодал т. Хворостин. Хороший работник—он частенько ходил без работы: не брали на заводы таково «опасного» человека, а «устраиваться» т. Александр никогда не хотел и не умел. И бывало, что т. Александр, видный партийный работник, ночует в Бердянске на берегу моря, не ест по несколько дней, пока товарищи не заметят и не дадут ему—хлеба. Безкорыстие, презрение к материальным благам и к тем, кто ради них поступался идеалами, бросались в глаза всем, кто знакомился с т. Александром. В 1917—18 г. г. его товарищи—насекальщики зарабатывали в Одессе—по тому времени—большие деньги. Т. Хворостин говорил об этом с усмешкой, голодал и с головой уходил в работу совета.

После шести месяцев сидения удалось т. Хворостину выйти на свободу. Он входит в артель насекальщиков, но «молодецкая» жизнь последних, сугубые выпивки, «понедельничанье» по 3 дня в неделю,—ему не по душе, тяготят его. Он вышел из артели, а вскоре—неизбежно:—опять был арестован перед 1 мая «на всякий случай», ибо охранка проведала, что готовится демонстрация в день рабочего праздника. На этот раз т. Хворостин пробыл в тюрьме 3 месяца, а по выходе из тюрьмы уехал в Мариуполь. Здесь он работал на заводе «Никополь», а в то же время являлся техническим агентом Крымского областного комитета с.-д. При его участии были налажены подпольные станки в Бердянске, выпустившие много литературы.

Скоро и в Мариуполе загорелась почва под ногами т. Александра. Оставив жену и двух детей, он бежал и отправился в Николаев, довольный, что хоть на этот раз дело обошлось без тюрьмы.

В Николаеве т. Хворостин работал одно время в частных мастерских, а потом на «Навале». Но с завода пришлось уйти, когда администрация пронюхала кое что о прошлом этого насекальщика.

Из Николаева т. Хворостин несколько раз наезжал в Одессу, но не находил работы и не мог оставаться долго.

Остался он в Одессе в четвертый приезд, вошел в с.-д. организацию и работал на Молдаванке. Молдаванка хорошо знает и помниг т. Александра. Здесь он отдал свои лучшие зрелые силы делу служения пролетариату, здесь прошли и его последние дни перед тем, как поникла навеки буйная голова и погасли умные глаза т. Хворостина.

А. К.

А. В. Хворостин в Исполкоме.

(Из воспоминаний т. Б. С. Фрида).

Я познакомился с т. Хворостиным только в 1917 г. —в первом Совете Р. Д. Он вошел в Совет и Исполком от Молдаванки.

С Молдаванкой Хворостин был связан тесными узами. Металлист по профессии, он, как революционер, работал среди пекарей и строительныхъ рабочих. Он полюбил Молдаванку,—его влекла к ней ея бедность и заброшенность. Отдаваясь работе среди молдаванскихъ рабочих всей душой, Хворостин не переставал печаловаться, видя отсталость Молдаванки, недостаток в ней революционного порыва, недисциплинированность, все ее грехи.

Хворостин много работал в Исполкоме. Но он ненавидел шум и шумиху и не любил «постов» и революционныхъ чинов, и часто был в тени там, где его энергия, ум, преданность выдвигали его на первый план.

Еще одно обстоятельство его связывало. Хворостин был членом одесской организации меньшевиков. Очень рано он стал расходиться с ней в оценке момента, во взглядах на характер революции,—стал уходить влево, но для него, проведшего в рядах партии 16 лет, трудно было порвать с ней кровную связь. Близкие к нему товарищи видели, что он мучается этим, больно переживает трагедию разрыва с партией. И действительно, только в 1919 г. он оказался в рядах К. П. Б.

В среде Совета и Исполкома—всех созывов—т. Хворостин бесспорно выделялся по своим душевным качествам. Прекрасный специалист—рабочий, он отдавал все время политической работе и не многие знали, как сильно бедствовал Хворостин, этот всегда спокойный на вид, добродушно-иронически улыбающийся, бросающий короткие, но меткие словечки и определения представитель Молдаванки.

В его лице ушел с политической сцены несомненно один из лучших представителей рабочей Одессы, один из самых чистых борцов за идеалы рабочего класса.

Светлая память.

(Воспоминания т. С. М. Михайлова).

Бывший Председатель Коллегии Одесского Губгосконтроля тов. С. М. Михайлов с глубокой скорбью передал в краткой беседе о последних встречах с тов. Хворостиным и о совместной с ним работе по Губгосконтролю.

Эти отрывки воспоминаний новыми штрихами дополняют образ благородного революционера, и подчеркивают всю тяжесть утраты, понесенной в его лице рабочим классом.

Тов. Хворостин был незаменимым и энергичным работником в Губгосконтроле. Заведывая в качестве члена коллегии общим отделом Губгосконтроля, куда входили Юротдел, Соцобез и др. подотделы, тов. Хворостин проявил массу энергии и пролетарского чутья в организации контроля и в руководстве его работой.

Человек кристальной души, исключительной честности, он еще менее кого бы то ни было другого мог мириться с той грязью, которая стала вноситься в советские учреждения буржуазными и спекулянтскими элементами, пробравшимися туда, и крайне нервно реагировал на всякие дефекты и злоупотребления.

На кулацком фронте т. Хворостин был одним из тех, кто своею неустрашимостью и героизмом увлекал за собой красноармейцев. Как и тов. Красный, шел он в первых рядах. Красный погиб тогда же. Хворостина белогвардейские пули пощадили. Много пало тогда лучших товарищей наших, но столько героизма было проявлено в эти тяжелые дни, что непосредственно в огне и пороховом дыму переживший страдную пору и чудом уцелев-

ший, тов. Хворостин вернулся с фронта с глубокой верой в непобедимость революции.

Не терял Хворостин веры и бодрости и в еще более мрачные дни. В разгул белогвардейщины, в подпольи, мне тоже случалось встречаться с ним. Своими бодрыми речами и здоровым оптимизмом он разгонял мои мрачные думы. Он зажигал пламенную веру в будущее.

Часто я, да и другие, советовали ему держать себя осторожнее и даже покинуть на время Одессу. Но об от'езде он и слушать не хотел.

— Плюю я на белых,— отвечал он с обычным своим презрением к опасности.

В подпольной работе он проявил массу энергии и вскоре был избран членом областного к-та коммунистов.

В последний раз тов. Хворостин пришел ко мне удрученный и печальный. На вопрос, что с ним, он рассказал, что произошел крупный провал, много партийных работников арестовано, а за ним также следят. Я опять предложил ему уехать из Одессы, но Хворостин снова категорически отказался:

— Останусь в Одессе...

Это была последняя встреча.

Нетленная память останется в сердцах знавших этого душевного и сердечного товарища, отдавшего свою жизнь за „други своя“.

А. В. Хворостин в Госконтроле.

С первого дня образования коллегии Одесского Губгосконтроля, в 1919 году, и почти до последнего дня пребывания в Одессе Советской Власти т. Хворостин работал в Губгосконтроле, как один из ответственных его руководителей—он был членом коллегии Губгосконтроля.—Много сил, энергии, душевной чуткости отдал т. Хворостин этой работе, и много нервов, много здоровья отняла она у него, не мало утомила усталое сердце.

Не случайно взял на себя т. Хворостин непосредственное руководство Контролем—с одной стороны по Отсобезу, а с другой по Ч. К. Это странное на первый взгляд сочетание отвечало душевным качествам т. Хворостина,—и поэтому он и тут, и там был на своем месте, и тут и там он был положительно незаменим. Кто лучше вдумчивого, отзывчивого, любве-

обильного и чуткого Александра Васильевича мог бы поставить контроль над учреждениями Социального Обезпечения? Кто мог бы настойчивее беззаветно-мужественного и кристаллически-честного т. Хворостина отстаивать права и интересы Госконтроля в Ч. К. того периода, когда это учреждение пыталось поставить себя в положение забронированного от всякого «постороннего вмешательства», от всякого контроля?

И не только в Отсобезе, но и на своем ответственном и даже опасном посту в Ч. К. т. Хворостин сумел сделать максимум возможного для того, чтобы на должную высоту поставить авторитет независимого Государственного Контроля. Это было нелегко,— но именно за самое трудное и рискованное, за самое опасное и невозможное брался всегда товарищ Хворостин. Брался— и делал.

Ненавидящий насилие и кровопролитие,— он пошел туда, где лилась чужая кровь, чтобы попытаться спасать те человеческие жизни, которые нужно было, которые стоило спасать; чтобы пресекать злоупотребления и хищения там, где шел вопрос о жизнях человеческих. Скольких мук, скольких разочарований и скольких нервов стоила ему эта неблагодарная и тяжелая работа, сколько людей должны быть до гроба благодарны т. Хворостину,—об этом по настоящему не ведает никто. И какая горькая и обидная насмешка судьбы, что именно т. Хворостину было суждено кошмарно-мучительной смертью погибнуть в добровольческом застенке.

Принципиальный противник кровопролития, т. Хворостин всегда первый бросался туда, где могла понадобиться *его* кровь, где его жизнь могла пригодится, как жертва на алтарь революции. И едва наметилась грозная опасность приближения к Одессе повстанцев-кулаков,—т. Хворостин оставил работу в Госконтроле, взял винтовку в руки и бросился в огонь... И сгорел... Сдержанный и спокойный, но решительны, твердый, беззаветно преданный революции.

Как и всюду, где бы ни появился т. Хворостин, его и в Госконтроле все не только уважали, но и искренно любили, и с глубокою, острою болью в сердце узнали о его мученической кончине. Светлую память оставил он по себе, и в глазах всех, кому посчастливилось работать с ним в Госконтроле, т. Хворостин навсегда останется недосягаемым примером того, чем должен быть настоящий деятель Рабоче-Крестьянского Контроля, Рабоче-Крестьянской Инспекции.

Д.

«Умрем мы,—не умрет идея».

(Из воспоминаний тов. Шахворостова).

Первое мое знакомство с тов. Хворостиным произошло самым причудливым образом. В начале 1918 г., во время моего дежурства в Исполкоме, сообщили по телефону, что молдаванский районный Исполком арестовал члена С. Р. Д. Александра Хворостина и что член молдаванского Исполкома Пентюхов угрожает расстрелять Хворостина, как меньшевика. Немедленно выехали на Молдаванку член Президиума Исполкома Н. В. Анисимов и некоторые другие. Через час они возвратились вместе с Хворостиным в Исполком. Тут то и произошло наше с ним знакомство.

Хворостин самым добродушным образом рассказывал мне о том, что произошло, а у меня от его шуток мороз по коже проходил. Не подоспей Анисимов вовремя, Хворостин был бы расстрелян. Я возмущался молдаванскими товарищами, которые—нечего греха таить—были навеселе, и удивлялся, что Хворостин может еще шутить.

— Что-ж,—ответил мне Хворостин—во время революции погибают иной раз и от рук тех, за кого готов положить свою жизнь.

Мы с ним много говорили тогда. Уже тогда стала мне ясна глубокая революционность Хворостина, его беззаветная преданность рабочему классу.

— Какой ты, Хворостин, меньшевик,—сказал я ему,—не тебе быть с теми, чьи товарищи на министерских постах во Временном Правительстве. Ты, ведь, борешься против них.

— Меня считают меньшевиком по недоразумению,—ответил мне Хворостин.

После этого я часто встречался с тов. Хворостиным, стал с ним сходиться, и в особенности сблизился во время первого ухода советской власти из Одессы, когда мы приехали в Севастополь и затем в Феодосию. Здесь был избран новый Исполнительный Комитет Румчерода, куда вошел и я. Он задался целью организовать в Одесской области движение против немцев. Стали подыскивать товарищей для выезда в Одессу на нелегальную работу. Хворостин вошел в число этих товарищей. Он, Балтурин, Алексеев и я выехали из Ростова в Одессу. Везде уже были немцы и нам пришлось пробираться через

их заграждения. Мы заехали в Керчь и здесь было решено разбиться на две группы. В одну вошли я и Балтурин, а в другую Хворостин. Мы надеялись, что так будет легче пробраться. Поездке нашей придавалось особое значение, ибо надо было дать знать революционной Одессе, что работа ведется, силы посылаются.

Через Мариуполь я пробрался в Одессу. Здесь я связался с товарищами, началась подпольная работа, и на ней снова встретился я с Хворостиным, занявшим видное место. Особенно много мне пришлось работать с ним с ноября и до самого его вступления в коллегию Госконтроля.

Во времена гетмана и французов`я встречался с Хворостиным каждый день в одном союзе. Там бывал и Саша Фельдман. Хворостин весь отдался работе.

После изгнания французов я был назначен комиссаром молдаванскаго района. Предстояла большая организационная работа и я выпросил себе в помощники Хворостина. Он развил неутомимую энергию, которая так много дала нам в борьбе с бандитизмом, в ликвидации грабежей и налетов на Молдаванке. Уже на третий день мы стали высылать рабочие дружины в 200 человек для охраны города не только от бандитов, но и от Григорьевских банд. Во главе этих дружин часто шел и Хворостин

Потом Хворостин ушел в Госконтроль, а я в Центропроф, и мы стали встречаться реже.

В начале октября 1919 г. я бежал из деникинского плена в Одессу. Здесь был и Саша Фельдман. Мы встретились с ним и Саша сообщил мне, что с ним вместе бежал из махновского плена в Одессу Хворостин и работает здесь в подполье. Я сейчас же просил Сашу свести меня с Хворостиным. Они пришли ко мне,—это было за 3 дня до убийства Саши. Вместе обсуждали мы планы работы. Хворостин был полон веры в будущее, в бессмертие идеи, за которую он боролся.

— Умрем мы, но не умрет идея—говорил тов. Хворостин.

Мы стали часто встречаться с Хворостиным, особенно после убийства Саши, которое на него страшно повлияло. Он пришел ко мне со словами:

— Одесские рабочие потеряли лучшего своего друга и организатора.

— Лучше бы расстреляли эти мерзавцы меня,—часто говорил мне потом Хворостин.

Сам он смерти как будто ждал и брал на себя самую ответственную работу. За две недели до его смерти, я ночевал у него. Он рассказывал мне о своей работе, о продвижении советских войск, об организации в Одессе дружин для освобождения арестованных товарищей и т. д. Когда я стал настаивать на том, чтобы он работал более конспиративно, Хворостин беспечно ответил:

— Раз умирать.

Одесский пролетариат может преклониться перед светлой памятью такого честного, достойного и гуманного человека, каким был тов. Хворостин.

С. Шахворостов.

На фронте.

(Воспоминания боевого товарища).

До фронта я совершенно не знал Хворостина. Впервые я встретился с ним, когда он, в составе небольшой группы запоздавших товарищей, прибыл на пополнение «Коммунистического» батальона, уже лежавшего в цепи и готовившегося к аттаке.

Предстоящее «дело» держало всех в естественном напряжении, тем не менее подходивших из Одессы встречали радостными возгласами.

В одной из групп был и Хворостин. Одетый в новенькую пиджачную пару из летней хакки, в светло-русой бородке лопаткой, он производил впечатление интеллигента, только что вырвавшегося на свежий воздух из душной конторы.

Позже, во время довольно тяжелых скитаний по Херс. губ., я узнал от него, что он по профессии металлист-насекальщик, работавший почти во всех крупных центрах металло-обрабатывающей промышленности: въ Николаеве, Таганроге, Ростове, Саратове и т. д.

Почти во всех этих городах он сидел в тюрьме.

Когда он подошел к нашей цепи, батальонный командир немедленно предложил ему местечко при штабе, в тени чахоточных акаций, у края дороги, пересекавшей нашу цепь.

Не помню, на какое амплуа предназначался в этом случае Хворостин: может быть второго ад'ютанта, может быть безответственного советчика по тактическим вопросам.

Хворостин ответил серьезно и довольно демонстративно:

— Я пришел сюда не для тыловой службы. Для этого я мог бы остаться в Одессе. Прошу указать мне, где расположились пересыпцы, а при штабе и без меня холуев довольно.

Так как в это же время какие то бойкие господа из нашего батальона уже успели «устроиться» по хозяйственной канцелярской части, и при том в порядке собственной инициативы, то я невольно обратил внимание на человека, который не проявил ни секунды колебания, когда ему предложено было на выбор место в тылу или в цепи.

Таким Хворостина я помню и позже. С этим косоглазым красноармейцем в наш отряд несомненно влилась свежая морозная сила.

Нечего и говорить, что Хворостин был участником всех боев, которые выпали на долю нашего отряда. Больше того, он всегда вызывался охотником в опасную разведку и был, бесспорно, талантливейшим разведчиком.

У него был тонкий слух, превосходное зрение и та настойчивость, которая так необходима при выполнении разведывательных поручений.

Когда в Больш. Буялыке к нам в батальон вошел С. Фельдман, Хворостин с ним сблизился и не разставался в течении всего похода и до возвращения в Одессу. Им обоим принадлежала инициатива многихъ мероприятий, как оперативного характера, так равно по поддержанию внутренней дисциплины в отряде.

Хворостин особенно возмущался шкурниками, стремившимися на тыловые должности либо вообще домой. Ибо наш отряд таял со сказочной быстротой и совершенно не пополнялся. В районе Помошной в «Коммунистическом батальоне», оставалось 45 чел. Почти столько же «бойцов» вобрала в себя из нашего состава хозяйственная часть нашего отряда, штаб армии для собственной охраны и политотдел

Это было уже во второй половине августа прошлого года. Мы, конечно, совершенно не знали, в каком положении находится Одесса. Мы знали, что деникинцы занимают дорогу во-

сточнее Ново-Украинки: наш отряд имел с ними бой, закончившийся занятием этой станции; знали, что к северу от Помошной, в Песчанном Броде, замечены махновцы; к югу в Анновке, имеются также какие то махновские банды. Но позади себя мы считали путь совершенно чистым, ибо мы только что с боем его прошли; впереди лежал путь на Бобринскую, занятый, по нашим сведениям, частями 45 дивизии. Туда мы должны были пробираться.

Серьезного противника мы на своем пути не встречали. Даже белые под Ново-Украинкой бежали перед нами. А белые в то время представлялись нам самой серьезной силой.

При такой именно обстановке созрел у Хворостина и Фельдмана план возвращения нашей роты (т. е. указанных выше 45 чел.) в Одессу для сформирования целого рабочего полка, хорошо одетого и вооруженного, с собственной артиллерией, эскадроном конницы, пулеметной командой, хозяйственной и санитарной частью. Нам казалось, что такую силу легко будет собрать въ большой Одессе, даже среди упавших духом пролетарских масс, если за дело формирования возьмутся сознательные красноармейцы, партийные люди, умеющие убедительно рассказать, что и как делается на фронте.

Фронт, казалось нам, пугал тех, кто сидел в тылу, только потому, что некому было рассказать, насколько все эти страхи преувеличены.

Возможно, что мы были вовсе не так далеки отъ действительности, как может теперь казаться. Во всяком случае и Хворостин и Фельдман, и те, кто их поддерживал, были убеждены, что с таким отрядом какой мы надеялись в два—три дня сформировать в Одессе, можно будет легко пройти весь путь от Черного моря до Киева. За время совместной боевой работы мы поняли, что небольшой, нравственно спаянный отряд способен гнать перед собой значительные силы противника. В этом нас убедило то небольшое, но чрезвычайно стойкое ядро партийных красноармейцев, которое осталось после всех боевых испытаний.

Наш план был выслушан в штабе армии, но не встретил сочувствия. Должно быть, там лучше знали военную обстановку. Ибо как раз в это время Махно осуществил свой план полного нашего окружения, разумеется, подавляющими силами. Наша

„армия“ в сущности состояла не более, чем из 1500 штыков и какой нибудь сотни коней. Как бы ни были значительны наши технические средства, мы, безусловно, не в состоянии были бы оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления армии Махно, насчитывавшей в то время не менее 30 тысяч человек. К тому же мы были настолько разбросаны, что в каждом отдельном случае это соотношение сил было бы еще менее для нас выгодным

Короче говоря, мы все попали в плен в тот момент, когда наше командование разработало, по указанию Реввоенсовета Республики, план длительных боев с деникинцами, с целью отвлечения их сил от Харьковского района. Махно в этот момент, уклоняясь сам от больших боев с белыми и занимаясь систематическим разоружением советских боевых групп, несомненно играл на руку Деникину и в значительной степени вредил Купянской операции, задуманной советским командованием. Махновцы называли нашу роту коммунистической, и мы некоторое время занимали очень двусмысленное положение в рядах Махновцев: нас то разоружали, то вновь вооружали, то давали боевые задачи, то всех арестовывали и обыскивали. Наше нравственное самочувствие было убийственное Собирались кучками, толковали о побеге. Некоторые исчезли довольно удачно. Хворостин был противником подобных сепаратных действий. Вместе с С. Фельдманом он вызвался с'ездить в штаб Махно, находившийся, по слухам, в Песчаном Броде, (15 верст от Помощной), и там связаться с анархистами, среди которых предполагались знакомые и даже приятели Саши Фельдмана. Об этом нам говорил один махновец, назвавший себя коммунистом. Говорил осторожно, опасаясь своих же товарищей из первого повстанческого полка имени «батьки Махно».

Поездка в штаб Махно, как мы выражались, волку в пасть, могла окончиться очень скверно для наших делегатов. У них на руках был очень сомнительный документ собственного начальника, никакого оружия и явно коммунистический, т. е. к тому времени сильно ободранный вид. Некогда очень шикарная пиджачная пара Хворостина теперь жестоко выцвела, зияла дырами на локтях и коленях. В глазах махновцев единственным смягчающим вину обстоятельством могла служить его разросшаяся до чудовищных размеров борода, которая внушала мысль, что в лице Хворостина батько Махно имеет дело с „насильно мобилизованным стариком“.

Тем не менее, когда наши посланцы уехали и в течение двух суток не возвращались, мы очень серьезно беспокоились об их судьбе. У некоторых рождались, правда, подозрения, что делегация воспользовалась удачным моментом и решила «рвать когти», как выражались на фронте о попытках бежать. Но мысль о том, что в составе делегации (всего 4 чел.) были Хворостин и С. Фельдман, моментально рассеивала возникавшие подозрения. Мы знали на опыте, что эти люди—прежде всего товарищи. Только арест или смерть могли помешать им вернуться. На самом деле, не было ни того, ни другого.

Прибыв в Реуцкое, Фельдман и Хворостин моментально связались с агитпросветом Махно и там, действительно, нашли двух—трех знакомых Саше Фельдману анархистов, в числе их Волина. Последний принял в них самое живое участие и посоветовал подождать прибытия нашей роты в Реуцкое, куда обязательно «пригоняли» пленников в «штаб формирования». Здесь, обычно, Махно собирал митинг, на котором раз'яснял свои социально-политические и военные планы и предлагал «добровольную» запись в свою армию. Всем не желавшим вступать в его ряды он обещал пропуск «на все четыре стороны». Все это было заранее известно, но... все дело было в этом «но». Прежде всего в плененном отряде обязательно производилась предварительная «чистка», если не по приказу самого Махно, то по инициативе его рьяных сотрудников. «Чистка» заключалась в расстреле видных работников. Во вторых, пропуск был действителен только до первой заставы. В третьих, за пределами этой первой заставы все, воспользовавшиеся пропусками, т. е. тем самым заявившие о нежелании служить у Махно, подвергались ограблению, избиению и нередко расстрелу.

Волин определенно предупреждал Фельдмана, что если он с другими более или менее ответственными работниками не исчезнет, то всех их могут расшифровать и отправить к праотцам.

Были очень удобные моменты для бегства делегации, и в этом смысле Волин устроил все: добыл специальный пропуск, снабдил Фельдмана очень хорошей «липой», обещал подводу агитпросвета до демаркационной линии, за которой начиналось расположение Голтянской группы красных.

С другой стороны, в составе плененной роты не оставалось ответственных работников, кроме меня, не участвовавшего в делегации. Я был единственным человеком, которому, в случае

установления личности, могла угрожать смерть. И вот, для спасения меня одного,—и это было очень характерно для Хворостина и Фельдмана,—они решили дождаться прибытия нас всех в Реуцкое.

Как только мы прибыли, меня немедленно «изолировали» от роты, привели в агитпросвет и через полчаса мы уже тряслись на двух подводах во главе с двумя посвященными в план махновцами из политработников.

Этим заканчивается история нашей совместной с Хворостиным службы в коммунистическом батальоне. Дальше начинается наш «катабазис», возвращение домой, в Одессу, сквозь два фронта: махновский и белый.

Эта история, полная самых трагических и самых комических моментов, обнимает собой промежуток времени около 10 дней.

Но она столь богата неизгладимыми впечатлениями, столь полна самым разнообразным содержанием, что казалась нам впоследствии, в дни подполья в Одессе, длинной поэмой, своего рода Одиссеей. И именно эти приключения на обратном пути сблизили нас и сделали не только товарищами, но и друзьями.

Передать то, что нами было пережито за эти 10 дней, конечно, невозможно в кратком очерке. Когда-нибудь, если будет досуг, я вернусь к этим воспоминаниям.

Ив. Камень.

7/III 1920 г.

Возвращение в Одессу.

Пока Хворостин был на фронте в делах против повстанцев и затем в плену у Махно, в Одессе умер его ребенок. Судьба жестоко испытывала этого стойкого человека. Она как будто хотела увидеть, что может сломить его, и, не сломив, послала мученическую смерть. . . .

Но вот Хворостин вырвался из плена, прибыл в Одессу.

— В одно утро—рассказывает т. А. И. Г.,—дали мне знать, что прибыл Хворостин, что будет меня ждать на углу Мещанской и Успенской Ужасное место, полное сыщиков и налетчиков. Но делать было нечего. Об обстоятельствах, при каких Хворостин прибыл, я ничего не знала и пошла на свидание в белом платье, белой шляпе,—одетая, одним словом, вполне „конспиративно". Прихожу,—нет Хворостина. Хожу взад, вперед,—никого. Но на углу у стены стоит какой-то человек в брюках, некогда из белой парусины, с грандиозной заплатой сверху донизу, в каком то подобии обуви, с остатком шляпы, надвинутым на глаза и с бородой от глаз чуть не до поясницы. Взглянула я на него раз—другой: Хворостин. Это было ужасно. Подойти к нему я не могла, а оставить его без явки, без какого либо адреса было немыслимо.

Хворостин и т. А. И. пробродили несколько кварталов—она впереди, он сзади—пока она смогла шепнуть ему адрес. Через час Хворостин был умыт, переодет, приведен в „приличный" вид. А еще через пару часов он уже был на квартире,—на той. самой, откуда пошел на плаху.

Сам он весело подсмеивался над своими злоключениями

А вскоре у него умер и второй ребенок, последовал арест первый, смерть Фельдмана, которая его потрясла, арест второй.

Смерть Фельдмана была для Хворостина ударом. Он Фельдмана не только ценил, но и любил. Близкие Хворостина знают, что когда Саша Фельдман шел на свидание с налетчиками заявить им, что они ничего не получат за полоненного ими товарища, Хворостин, тайком от Саши, шел за ним с револьвером в руках, готовый каждую минуту броситься ему на помощь.

Тогда Саше удалось оказать на налетчиков воздействие. Но его все же не уберегли. Он погиб от руки подлых предателей, стрелявших ему в спину.

Хворостин пришел к близким ему людям. Он просидел несколько часов, мрачный, не произнося ни слова, углубившийся в себя. Только уходя, он смог выжать из себя несколько слов:

— Саши нет. . . .

Слышавшие эти слова говорят, что не забудут того, как они были сказаны.

А. К.

Воспоминания друга.

Хворостин,— как больно говорить о нем сейчас, когда его уже нет. Он ушел от нас, не увидим больше его хмурого, редко улыбающегося лица.

Он весь сейчас как будто предо мною. С какой осторожностью он рассказывает что то серьезное, новое.

Он редко кому искренно доверял. Приходил он ко мне почти в продолжение всей подпольной работы. У меня было одно из мест, где он мог спокойно оставаться, и здесь он бывал в течение шести недель ежедневно часа по три. С увлечением пылкого энтузиаста защищал он принципы коммунизма, и рассказывал о тех опасных поручениях, какие он брал на себя в подпольи.

Тов. Хворостина я знал еще с февральской революции, когда он был членом Исполнительного комитета молдаванского района. Затем, при перевыборах в Совет, он был избран членом Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов, и, наконец, членом его Президиума.

Он был в своем слове всегда краток, его предложения принимались, и с его мнением очень считались. Был он тогда членом Росс. С. Д. Р. Партии, убежденным меньшевиком, и ни за какие „коврижки",—как он однажды в споре с тов. Старостиным сказал,— он „идее не изменит в пользу утопического большевизма".

Ему поручались часто работы в различных комиссиях. Никогда не отказываясь от участия в них, он нес свои обязанности, как подобает истинному социалисту.

Он был осторожен в выборе друзей и в них редко ошибался.

Одним из лучших приятелей был покойный Саша Фельдман, с ним он работал почти все время в Совете, с ним в июле 1919 года вышел на фронт, сначала на Одесский (при восстании колонистов), затем, после подавления восстания, на Добровольческий фронт. К тому времени относится его оффициальный

переход в партию большевиков-коммунистов. Он долго колебался и, наконец, решил вступить в организацию.

В первых числах сентября 1919 г. во время хозяйничанья добровольцев, оба они возвратились в Одессу пешком, и тотчас занялись работой по разложению Доброармии и развитию и укреплению идеи Советской Власти.

Дружба этих двух преданных революции товарищей не нарушалась до их последних минут. Нелепая смерть, которая унесла Сашу, не давала покоя Александру.

Я помню тот вечер, когда он, придя ко мне, задыхаясь сказал о том, что «наш Саша лежит в морге». Он рыдал как ребенок.—»Лучше бы я умер, ибо Саша нужнее революции»,—сказал он, и ушел, не попрощавшись. Больнее всего ему было то, что Саша пал от руки предателей.

Прошло некоторое время, о Саше как будто стали забывать, но Александр всегда был полон им, и грусть не сходила с его лица.

Какая светлая и чистая душа! У него было много больных душевных мест, и я старался в разговорах обходить эти места. Но ясно было, что в душе его нет покоя.

Между прочим, и личная жизнь тов. Хворостина сложилась для него тяжело и неудачно. До последних минут жизни он думал о любимой женщине, и, выслушав смертный приговор, он просил товарищей передать ей последний привет.

Но личная душевная драма ни на минуту не отвлекала его от революционного долга. Он всегда был до мелочей точен и добросовестен, аккуратно посещал места явок и ревностно исполнял поручения и задания, нередко рискованные

Больно думать об этом, но должен сказать,—не в укор кому либо, ибо многое было сделано,—что всетаки не сделано всего, что можно было предпринять для его спасения. Его должно и можно было спасти.*) Но видно суждено революции лишиться одного из лучших солдат своих. . . .

Борис.

---

*) По имеющимся у нас сведениям, друзьями тов. Хворостина подготовлялся побег его, в то время, когда он, истерзанный и окровавленный, лежал в старой городской больнице. Но приготовления запоздали. Накануне предположенного побега, т. Хворостина увезли, едва живого, из больницы в тюрьму. План расстроился, а позже уже ничего не удалось сделать: тов. Хворостин погиб. На эту неудачу быть может, и намекает тов. Борис.

Ред.

Из воспоминаний рабочего-контролера.

В 1917 году мне пришлось столкнуться с тов. Хворостиным в Комиссии по контролю С. Р. Д., где он был способнейшим из тогдашних избранников Одесского пролетариата. Помню, после октябрьского переворота Хворостин все ужасался при одной мысли, чт углубление революции невозможно без кровопролития.

—„Я,—говорил он,—социалист, бывший в ссылке 7 лет, не могу мириться с тем, чтобы винтовкой углубляли революцию.“

Но при первой же измене Центральной Рады, когда одесский пролетариат принужден был взяться за винтовку, тов Хворостин к собственному удивлению первый должен был возражать украинскому с.—д. Чеховскому, что если гайдамаки не мобилизуются, то придется их заставить пулеметами.

Весною 1919 г. , когда снова настала весна для одесского пролетариата, т. Хворостин был опять выбран в Совет и делегирован им в Коллегию Одесского Губгосконтроля. Тут он выказал в полной мере весь свой талант организатора красного контроля. С головою ушел он в эту работу. Но едва появились новые тучи,—Григорьевщина, кулацкие восстания в немецких колониях,—т. Хворостин снова стал рваться туда, где всего опаснее,—он взялся за оружие, чтобы исполнить свой пролетарский долг и подать пример другим.

Снова встретился я с т. Хворостиным уже после того, как он вернулся в Одессу для подпольной работы при добровольцах.

—„Фундамент построен,—бодро говорил тогда т. Хворостин,—и крышу покрываем, но смотрите, чтобы вы не оказались такими плохими штукатурами как раньше, а то опять испортите советскую постройку.“

Тов. Хворостин как бы уже предчувствовал, что не он будет достраивать, а другие, ему же выпадет на долю кровью своей и муками скрепить фундамент рабоче-крестьянской власти.

А через 2 недели рабочие-металисты, пришедшие за телом скончавшегося от сыпняка в заключении тов Богатова, издали видели на больничной койке тов. Хворостина опухшим и багровым, как чугун. . . .

Рабочий Контролер С.

———

«К вам нельзя иметь жалости.»

Не многие знают, что арест т. Хворостина, приведший его к могиле, не был первым в подпольные дни. Незадолго до этого т. Хворостин был арестован на улице.

Отважный и беспечный, ходивший с собственным паспортом в кармане, а не с «липой», не прибегавший даже к гриммировке, Хворостин рисковал показываться на Молдаванке, где его так хорошо знали и где в частности он был известен слишком многим чинам милиции. Это не могло кончиться благополучно. и, действительно, в конце концов едва не привело к роковой развязке.

Т. Хворостин шел по улице засветло Вдруг его встречают два милицейских чина, или вернее, чины госуд. стражи.

— Стой.

Хворостин был схвачен прежде, чем успел опомниться. Вынырнул и третий опричник, и тут же на улице началось избиение. Хворостина били ножнами и револьверами. Окровавленного, его привели в участок. Там избиение продолжалось

При Хворостине были денежные отчеты. Палачи ничего в них не поняли. При нем были деньги,—их, конечно, сейчас же взяли. Это и спасло на сей раз Хворостина Палачи пошли пропивать деньги, велели отвести т. Александра в камеру. С ним остался один стражник. Он знал Хворостина, последний смутно припоминал, что и он его знает.

— Товарищ,—обратился к стражнику Хворостин,— отпусти меня.

Наступила минута тягостного молчания.

— Ну, иди.

Хворостин, не веря себе, вышел в коридор. Стоявший там другой стражник закричал:

— Эй, Иван, арестованный вышел.

— Нет, то мой кум.

Хворостин вышел на улицу, завернул за угол. Он был спасен.

Дома, избитый, окровавленный, истерзанный, Хворостин рыдал. Впервые в жизни он был избит. Его это потрясло.

— О, палачи, изверги, звери... Рука моя теперь не дрогнет. К вам нельзя иметь жалости и сострадания. . . .

Так говорил, рыдая, т. Хворостин.

СУД.

Сведения о суде над Хворостиным скудны и отрывочны. В газетах появилась после расстрела Хворостина только следующая заметка „выглаженная“ цензурой белогвардейских палачей.

«Военно-полевой суд.

Военно-полевым судом в Одессе, заслушано было дело подпольной организации большевиков.

Суд постановил М. Гитермана, А. Хворостина, Г. Милеса и пор. Рюмина —подвергнуть смертной казни через расстреляние. Д. Индюков, Ш. Койса и Е. Зисмана сослать на каторжные работы без срока.

Пор. Швеца, по лишении воин. звания и всех прав состояния, сослать на каторжные работы на 20 лет.

И. Латмана, С. Латмана и М. Каптульского подвергнуть заключению в тюрьму сроком на 1 год и 4 мес. Приговор приведен в исполнение“.

(18—31/XII. 1919 г. „Одесские Новости“).

О самом процессе известны лишь отдельные подробности со слов товарищей, спасшихся из рук палачей, или мельком видевших Хворостина после „суда“. По единодушным отзывам всех, Хворостин держался на суде героически, с исключительным самообладанием, несмотря на то, что был истерзан нечеловеческими пытками.

Огласив показания Хворостина, данные в контр-разведке, председатель „суда“, повидимому, уже осведомленный со стороны об истязаниях Хворостина при „следствии“, спросил:

— Эти показания даны вами под давлением истязаний?

— Да.

— А теперь вы отказываетесь от них или подтверждаете?

— Подтверждаю,—резко ответил Хворостин.

И дальше дело пошло обычным темпом.

Приговор Хворостин выслушал со стоическим спокойствием. После об'явления приговора он успел сказать сопроцессику, случайному человеку, по недоразумению запутанному в дело и оправданному судом:

— Передайте на воле, что меня расстреляли.

Между прочим в вырванных пыткой показаниях Хворостин „признался“, что был членом Коммунистической партии

с весны 1919 г. Этого признания почему-то усилено добивались звери из контр.-разведки. На самом же деле Хворостин формально вступил в партию лишь осенью 1919 г., в период кулацких восстаний и эвакуации Одессы.

«Признанием», вырванным с кровью, Хворостин проваливал только себя—и он «признался». О других—ни звука.

Для многих является на первый взгляд непонятным, почему на суде, на вопрос председателя, Хворостин подтвердил «показания». Возможно, что своим вопросом председатель белогвардейского «суда» рассчитывал открыть «подсудимому» путь к отступлению, отказу от первоначальных показаний,—и тогда, быть может, «сердобольные» судьи «смягчили» бы приговор, сохранив Хворостину жизнь.

Почему же Хворостин не воспользовался открывшейся возможностью? Был-ли он настолько измучен пытками, истерзан, взвинчен, что уже не мог спокойно оценивать шансы на спасение и взвешивать слова,—чужие и свои? Или, быть может, в измочаленном кошмарными пытками революционере сильнее всего был в ту минуту голос острой ненависти к палачам, и говорить с ними он мог только с резкой, вызывающей, открытой враждебностью?.

Было-ли это презрением к насильникам и «победителям» на час давно уже осилившего страх смерти и пережившего смерть,—смертными муками смерть поправшего,— пленника, несравненно более сильного духом, чем его мучители,—в железных оковах свободного пленника?.

А может быть, Хворостин был уже настолько по ту сторону жизни, и до того не верил в какие-либо человеческие чувства деникинских извергов, что ни на минуту не мог представить себе возможность пощады? Не подумал ли он о том, что отказ от данных показаний, вместо сохранения жизни, приведет к отложению дела, к новому дознанию, а значит и к новым пыткам? И не был ли он в этом случае прав?

— Раз умирать—говаривал Хворостин.

Но дважды и трижды умирать под пытками,—это уже слишком даже для Хворостина.

Все это, конечно, догадки и предположения. Свои мысли на суде Хворостин унес с собою в могилу. . . .

Д.

Выбыл...

Последние дни тюремного заключения тов. Хворостина — были днями ожидания казни. Он знал, что его не пощадят, и каждую ночь ждал прихода палачей. Во время коротких прогулок он успевал на вопросы товарищей отвечать:

— Мое дело плохо. Расстреляют. . .

Бледное лицо и усталые глаза говорили о бессонных и тревожных ночах. . .

Клочки воспоминаний, обрывки разговоров лиц, сталкивавшихся в последние дни с т. Хворостиным. ярко рисуют образ этого честного и стойкого революционера, перенесшего нечеловеческие муки и страдания.

Когда тов. Хворостина привели из контр-разведки в тюрьму, он еле держался на ногах. Начальник тюрьмы, Бирин, принимавший арестованного у контр-разведчиков, рассказывает:

— В таком виде арестованных еще не доставляли в тюрьму. Хворостин, видимо, физически непосильно страдал, лицо его было в крови, платье изорвано.

Вначале т. Хворостина поместили в общей камере. И бывшие в ней заключенные ужаснулись, когда он разделся. Белье его было в крови, все тело избито и изранено.

Сокамерникам он успел передать о короткомъ, но очень характерном допросе, учиненномъ над ним в контр-разведке:

— Много ли денег находится в распоряжении партии?

На этот вопрос т. Хворостин ответил:

— Можно вас всех купить и продать.

И тогда посыпались ругательства, и кто-то из чинов пригрозил:

— Будем пытать!

— Пытайте...

Контр-разведчики жестоко и мучительно начали его избивать.

Т. Хворостин успел им сказать:

— Вы все это делаете потому, что Харьков пал. Когда Киев падет — вы, вероятно, распорядитесь меня расстрелять...

Начальник контр-разведки Кирпичников, посетив тюрьму, отдал распоряжение перевести тов. Хворостина на «круг», в

одиночную камеру. Стало ясно, что тов. Хворостину не избежать смертной казни. Его камера соприкасалась с камерами, где были помещены китайцы-красноармейцы, которые были также обречены на расстрел. Глухое черное одиночество окружило т. Хворостина. Из этого смертного круга ему не удалось выйти живым...

Политические заключенные всячески старались облегчить последние дни тов. Хворостина. С большим риском ему передавались т. Волошиным письма с воли.

— Это все, что мы могли сделать,—говорит тов. Волошин. Эти письма вселяли бодрость, и т. Хворостин надеялся на близкое освобождение Одессы от белогвардейского гнета.

За день до суда т. Белокопытов столкнулся с тов. Хворостиным в корридоре, ведущем из круга на тюремный двор. Надзиратель вводил т. Хворостина в камеру. Т. Белокопытов успел шопотом спросить:

— Как твое дело?—и Хворостин успел тихо ответить:—

— Не миновать мне смертной казни...

13-го декабря т. Хворостина увели из тюрьмы. Сообщили, что ведут на суд. Тяжелое предчувствие угнетало всех политических заключенных.

Тов. Хворостин больше в тюрьму не вернулся.

В тюремной книге против фамилии тов. Хворостина в соответствующей графе было четким почерком написано:

— *«Выбыл»*.......

Зл.

Содержание.